

На правах рукописи

Фархитдинова Ольга Михайловна

**ИРОНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
И РОЛЬ В ФИЛОСОФСКОМ ПОЗНАНИИ**

Специальность 09.00.01 — онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург — 2004

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания
философского факультета
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Пивоваров Даниил Валентинович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Андрюхина Людмила Михайловна

кандидат философских наук, доцент
Коркунова Ольга Владимировна

Ведущая организация: кафедра философии Уральского
научного центра РАН

Защита состоится «___» _____ 2004 года в 15⁰⁰ часов на заседании
диссертационного совета Д.212.286.02 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном
университете им. А. М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр.
Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в
научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М.
Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Ким В. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность диссертационного исследования. Ирония (от греч. *eironeia* — притворство) обычно понимается как особая форма критического мышления, основанная на притворстве и иносказании. Ирония есть притворное одобрение критикуемого тезиса и неявное иносказательное утверждение антитезиса. В зависимости от величины своего критического потенциала ирония бывает комической (если отрицание преобладает над согласием), юмористической (когда преобладает позитивное отношение к тезису) и саркастической (когда критик язвительно насмехается над тезисом, якобы одобряемым им).

Диссертант полагает, что современное философствование становится все более ироничным. Многие философские концепции, созданные на рубеже XX—XXI вв., заряжены комической, юмористической или саркастической иронией. Это обстоятельство позволяет автору рассматривать иронию как характерную черту нынешнего любомудрия и выдвинуть предположение о том, что в современной философии среди многих её аспектов особое место начинает занимать иронический аспект. В одних философских умопостроениях наших современников этот аспект выходит на первый план, в других, напротив, остается в тени; тем не менее, его можно обнаружить практически повсеместно.

Интерес к смыслам и определениям понятия иронии ныне возрастает не только в сфере философских исследований, но также в широкой области направлений, сопряженных с изучением проблем познавательных способностей человека. Поскольку ирония все чаще начинает пронизывать выводы критического мышления, постольку очень актуальной становится потребность в описании способов применения иронии в процессе познания. Наиболее важными в этом плане являются следующие теоретические проблемы:

а) каков онтологический статус иронии как состояния сознания?

б) какую роль ирония играет в процессе познания, какие функции возлагаются на иронические практики?

в) каковы особенности философской иронии?

г) почему ироничность становится характерной чертой и важным аспектом философии нашего времени?

Постмодернизм (в версии after-postmodernism) и неомодернизм критически переосмысливают основания прежней философии и пытаются по-новому сформулировать ее главные проблемы. Их критика имеет нетрадиционный и весьма специфический характер. При сравнительном анализе различных вариантов постмодернистской и неомодернистской критики нетрудно обнаружить в ней некий ментальный инвариант, а именно прием иронии.

Исследования иронии на рубеже XX—XXI столетий осуществляются на фоне смены методологических парадигм, переориентации когнитивных установок человеческого сознания. Теперь в анализе действительности требуется не только описать объекты, но также осмыслить объективную реальность в контексте повсеместного желания человека «избежать фиксации и сохранить свободу выбора» (Бауман З.). В современных условиях прием иронии начинает играть все более явную и значимую роль в философских текстах в связи с тем, что многие философы отказываются от традиционных форм мышления и анализа произведений своих коллег; они требуют безграничной свободы выбора и самовыражения. Проблема гносеологической роли иронии становится весьма значимой в философии.

Степень теоретической разработанности проблемы

В философской литературе есть немало работ, посвященных видам иронии и средствам ее применения на практике. Обнаружены параллели между метафизическим и эстетическим истолкованием понятия иронии.

Фундаментальное исследование иронии как эстетической категории провел Пивоев В. М. В материалах его диссертационного исследования отражены наиболее изученные аспекты бытия иронии в состояниях сознания, такие как *исторический* (Габитова Р. М., Гайденоко П. П., Гайдукова Т. Т., Лосев

А. Ф., Шестаков В. П.), *философско-мировоззренческий* (Габитова Р. М., Гайденок П. П.), *функциональный* (ирония как доминанта художественного направления — Берковский Н. Я., Ванслов В. В., Славов И.). С другой стороны, общие эстетические свойства иронии в художественном методе описаны Бахтиным М. М., Берковским Н. Я. и др.; комический момент иронии проанализирован Боровым Ю. Б., Дземидок Б., Каганом М. С., Паси С., Проппом В. Я. Ирония как форма саморефлексии изучена Смирновым А. С.

Начиная с 90-х гг. XX в. такие исследователи, как Слотердаик П., Черданцева И. В. отмечают, что ироническое мышление становится общей тенденцией и атрибутивным способом современного мышления. Правда, об этом писал еще в 1969 г. Мюкке Д. К. Предпринимались попытки исследовать механизм создания иронии и различных типов многозначности (Кнокс Е.). Западные философы издавна обсуждали понятие иронии в двух планах — теоретическом (ирония) и практическом (ироник).

В категориально-теоретическом плане «ирония» рассматривалась, например, философами-романтиками (Шлегель Ф., Новалис Ф.), немецкими объективными идеалистами (Зольгер К. В. Ф., Гегель Г. В. Ф.), сторонниками философии лингвистического анализа (Витгенштейн Л.) и теория деконструкции (Деррида Ж.). Осмыслив метафизические основания иронии, Кьеркегор С. разработал теорию субъективности, где понятие иронии занимает основное место. В трактовке датского мыслителя ирония становится не только способом мышления, но и способом существования человека. Дискуссия, открытая Кьеркегором против Шлегеля о единичном и всеобщем характере иронии, подверглась их современниками-философами детальному анализу. Позднее Ницше дополнил подход Кьеркегора той художественной стилистикой, которая была признана последней ритуальной «купелью» для феномена, впоследствии обозначенного как «ирония».

Проблема типологии иронии как эстетического и художественного феномена разработана в концепции Кононенко Е. И. Соотношение принципа

иронии и проблемы человека рассмотрено в статье Чикал Л. А. Эзотерический аспект иронии проанализировал в одной из своих работ Джемаль Г.

Практический план иронического мироотношения был раскрыт в «наставлениях» Квинтилиана, в сатирических произведениях Лукиана из Самосаты, апологетических работах Татиана (Речь против эллинов), Ермия Философа (Осмеяние языческих философов), Тертуллиана, диалогах Платона, средневековой философской мысли (Кузанский Н., Оккам У., Роттердамский Э.), в философии немецкого романтизма Шлегель Ф., Мюллер А., Зольгер К.-В.-Ф., философии XX в. (Бахтин М. М., Бергсон А., Библер В. С., Гадамер Х.-Г., Джеймисон Ф., Кун Т., Куайн У., Лакатос И., Липовецки Ж., Лунгина Д., Мотрошилова Н. М., Подорога В., Полани М., Рорти Р., Соловьев А. Э., Тодоров Ц., Тулмин С., Фейерабенд П., Фрильоф Ф., Фуко М., Хейзинга Й.).

Сегодня российские философы продолжают развивать идеи Шопенгауэра, Шлегеля и Новалиса о метафизических основаниях иронии. Онтология иронии обсуждается — на материале текстов классиков «философии жизни» и экзистенциализма — в трудах Карпицкого Н., Микушевича В., Рыбниковой Ю. В., Салиховой Н. К., Серковой В. А., Стоянович Д., Хестанова Р., Фролова Э. В работах Походни С. И. довольно подробно исследован коммуникативно-прагматический аспект видов иронии и способов ее применения. Проблема феноменологического описания иронии достаточно интересно сформулирована в диссертационном исследовании Ольховской У. В работах последних лет преобладает изучение аксиологической стороны иронической практики.

В последние годы за рубежом опубликованы результаты исследований особенностей восприятия иронии общественным и индивидуальным сознанием. Эти публикации еще не переведены на русский язык. В немецкоязычной литературе проблема иронии выделена в особый раздел философии. Обращают на себя внимание следующие труды: *Lütke R. Der Ernst der Ironie*, *Purdy J. Das Elend der Ironie*, *Eco U. Lüge und Ironie, Vier Lesearten zwischen Klassik*

und Comic; *Kohvakka H.* Ironie und Text: Zur Ergründung von Ironie auf der Ebene des sprachlichen Textes.

Среди постмодернистских концепций иронии следует отметить взгляды Барта Р., Бодрийяра Ж., Джеймисона Ф., Делеза Ж., Деррида Ж., Лакана Ж., Лиотара Ж.-Ф., Мэррей К. Богатейший материал для работы с разными формами постмодернистской «онтологии» предоставлен Кристевой Ю., Рорти Р., Слотердайком П., Эпштейном М. На границе философии и лингвистики любопытные выводы о принципах возникновения иносказаний в текстах получили Андрюхина Л. М., Баусани А., Бюлер К., Ермакова О. П., Луценко Н. А., Мегентесов С. А., Мирошников Ю. И., Парахонский Б. А., Проскурин С. Г., Руденко Д. И., Степанов Ю. С. В рамках нашего диссертационного исследования имеют значения выводы Андрюхиной Л. М. о модели научной деятельности как поле многозначного исторического самоопределения человека в культуре и Барта Р. о различении языка и стиля.

Вместе с тем во всех упомянутых выше исследованиях сравнительно мало отражены либо не решены, во-первых, вопросы, связанные с уточнением общего понятия иронии, во-вторых, проблема конструктивной роли иронической практики в процессе развития сознания вообще и философского сознания в частности. Явно недостаточно изучены особенности иронической практики, способы выражения и переживания ироником своей позиции.

Таким образом, требуется более полно исследовать значение иронии как стратегии современного философского исследования и раскрыть конструктивную роль ироника в развитии философского знания.

Цель диссертационного исследования — уточнить понятие иронии в связи с возрастанием роли иронического мышления в профессиональной философии, а также вычленить и описать иронический аспект современной философии.

Задачи диссертационного исследования

1. Провести сравнительный анализ различных определений понятия иронии, выделить его первоначальный смысл и множество последующих альтернативных значений.
2. Выявить генетическую связь характера философского мышления с ретроспекцией той или иной иронической практики.
3. Изучить функционирование и конструктивную роль иронии в процессе формирования философских концепций.
4. Описать операциональную структуру иронической стратегии.

Теоретико-методологические основания исследования

Основной методологической идеей диссертационного исследования является идея возрастания роли иронии (и соответственно понятия иронии) в философии XX—XXI вв. в связи с пересмотром исходных принципов онтологии и переосмыслением познавательных потенций человека.

Диссертант опирался на совокупные результаты изучения иронии философами, лингвистами, культурологами. Общетеоретическая философская база, на которую ориентировался автор, представлена идейным наследием классиков европейской философии (Платон, Аристотель, Бэкон Ф., Декарт Р., Кант И., Гете И. В., Фихте И. Г., Шлегель Ф., Шеллинг Ф., Гегель Г. В. Ф., Ницше Ф., Гуссерль Э., Юм Д., Бергсон А., Рассел Б., Хайдеггер М., Сартр Ж.-П., Бубер М., Ясперс К., Трубецкой С. Н., Фрейд З., Чижевский А. Л., Иванов В. и др.).

Для обоснования универсального характера иронии диссертант обращался к тем историко-философским работам, в которых особое место отведено понятию иронии (сочинения Зольгера К. В. Ф., Гегеля Г. В. Ф., Шлегеля Ф., Кьеркегора С., Хайдеггера М., Сартра Ж.-П., Славова И., Рорти Р., и др.). Учтены также труды отечественных ученых, в которых прослеживается становление понятия иронии и описывается феномен иронического

философского видения (Карпицкий Н., Маньковская Н. Б., Микушевич В., Мирская Л. А., Пивоев В. М., Пигулевский В. О., Подорога В., Серкова В. А., Хестанов Р. и др.).

Диссертант опирался на следующие общие методы и принципы:

а) метод сравнительного анализа, позволивший обнаружить исходное онтологическое содержание иронии;

б) герменевтический метод, который помог открыть за очевидным смыслом понятия иронии иные, альтернативные, смыслы;

в) принципы, законы и категориальный аппарат диалектического метода, которые способствовали пониманию внутренней взаимосвязи определяемых философских категорий.

В диссертационном исследовании также применялись специфические методы, адаптированные к процессу иронического размышления:

а) метод «полуодобрения», позволяющий полностью отрицать — «между строк» — ценность произведения (например, художественного);

б) метод картезианского сомнения.

Научная новизна диссертационного исследования

1. Выдвинута и обоснована авторская концепция иронии как особой формы критического мышления.

2. Под углом зрения этой концепции систематизированы и проанализированы труды философов рубежа XX—XXI вв., в которых обсуждается понятие иронии и исследуется место иронии в философском познании.

3. Создан специальный категориальный аппарат, позволяющий теоретически описывать и объяснять функции иронической практики в философии.

4. Осуществлен конкретный анализ различных философских практик иронического мышления.

5. В научный оборот введено представление об особом — ироническом — философском видении какой-либо ситуации; такая форма обнаружения новых смыслов существенно отличается от традиционного понятийного мышления (например, в форме дефиниции понятия) и играет большую роль в философии постмодерна и неомодерна.

Положения, выносимые на защиту

1. Философская ирония есть особый способ самоутверждения критика и открытия альтернативных смыслов, когда критик, притворно возвышая обсуждаемое философское высказывание, вместе с тем косвенно — через иносказание — добивается его принижения либо полного отрицания. Профессиональная философская ирония обычно отвечает требованиям высокой игровой культуры и бывает умеренной, безжалостной или язвительной.

2. В отличие от однонаправленного позитивного мышления ироническая стратегия многомерна. Утверждая свое в ином, ироник, во-первых, позитивно излагает свое понимание критикуемого тезиса и почти готов его признать, во-вторых, неявно отрицает этот тезис, в-третьих, обнаруживает в отвергаемом тезисе прежде неизвестный смысл, различает в тезисе наличное и виртуальное иное. Тем самым ироническая стратегия имеет функции имплицитного отрицания, эвристического утверждения и постоянного обновления философских течений.

3. Иронические практики в философии многообразны и качественно изменяются от эпохи к эпохе. Философия всегда в той или иной мере обновлялась через иронию, а в наше время она, похоже, становится радикально ироничной.

Научно-практическая значимость работы

Развернутый теоретический анализ феномена иронии позволяет оценивать негативные и позитивные последствия применения приема иронии в процессах критического мышления, в научной и обыденной практике.

Представленные в диссертации выводы, замечания и наблюдения могут оказаться полезными для дальнейшей разработки темы философской иронии и ее роли в развитии философского знания.

Материалы диссертации можно использовать в педагогической практике при чтении курсов и спецкурсов по философии.

Апробация результатов исследования

Диссертационная работа обсуждалась на кафедре онтологии и теории познания философского факультета Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. По теме диссертационного исследования автором были сделаны доклады на заседаниях кафедры онтологии и теории познания, а также кафедры истории и философии религии Уральского госуниверситета. Отдельные аспекты концептуальных разработок легли в основу сообщений автора на научных конференциях в вузах Ярославля, Уфы, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени, Омска, Кургана. Всего диссертантом опубликовано свыше 20 научных работ общим объемом более 12 печ. л.

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли свое применение в семинарских курсах по систематической философии, которые диссертант ведет на философском, экономическом, физическом факультетах, а также на факультете искусствоведения и культурологии. Полученные результаты исследования и база источников были использованы при разработке спецкурса «Ироническая диалектика».

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Содержание работы изложено на 169 страницах стандартного компьютерного набора. Библиография включает 169 наименований.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется его теоретический источник, оценивается степень разработанности проблемы в отечественной и зарубежной философской литературе, формулируются цель и задачи диссертации, характеризуются научная новизна и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе **«Понятие иронии и роль иронии в понимании события»** ставится и анализируется проблема взаимоотношений тех способов мышления, которые являются первостепенными в рамках темы определения понятия иронии. Речь идет о классическом и диалектическом, феноменологическом и неометафизическом (постсовременном) способах мышления. Реконструкция традиционных представлений о «скрытом соотношении бытия и времени» затрагивает ряд важнейших проблем, в том числе проблем смысла, сущности и бытия.

Диссертант выдвигает предположение, что периодическая актуализация проблемы иронии прежде всего обусловлена попытками косвенного переосмысления характера связи человека с миром. Такие попытки предпринимались, например, в философии Древней Греции, немецком романтизме, экзистенциализме, в философии постмодернизма.

Функциональные характеристики иронии выявлялись диссертантом через группу ее стабильных свойств (притворство, метафоричность, критичность, юмор, комизм, сарказм и т. д.). Если исследуемая критика прямо или косвенно сопряжена с этими свойствами, то их наличие позволяет квалифицировать соответствующую критику как сильный или слабый вариант иронии. Модусы иронии различают в зависимости от преобладания в ней того или иного ее атрибу-

та. Прибегая к иронии, критик получает возможность преодолевать привычные трактовки общезначимых отношений, отстраняться от традиционного смысла.

Вместе с тем ирония амбивалентна, и ею следует пользоваться осторожно — ведь она чревата не только новациями, но также способна ввести читателя в заблуждение, когда трудно взять в толк иносказательную сторону иронического текста. Впрочем, ироник тоже подчас путается в собственных метафорах, не извлекая из них ясного прямого смысла. Тогда его ирония бесплодна и вызывает у публики законное негодование.

В I главе поставлен важный вопрос, насколько в понятии иронии обобщен не только личный опыт отдельных выдающихся индивидов, но также кристаллизована познавательная практика целых поколений? Для решения этого вопроса выдвинут тезис о том, что коллективные интерпретации понятия иронии варьируются от одной исторической эпохи к другой. Каждое новое поколение принимается по-своему толковать «иронию». Чем же обусловлена смена коллективных предпочтений при выборе эквивалентов значения понятия иронии? По-видимому, сдвиг концептуальных значений в первую очередь обусловлен эволюцией обыденного языка, изменением частоты употребления тех или иных терминов, посредством которых обозначаются важнейшие понятия.

Известно, что рождение новых философских проблем нередко детерминировано яркими лингвистическими событиями: смежением и смешением языков, поводом полисемии и полиморфизма, активным проникновением искусственных новоязов в естественные языковые структуры и т. п. Такие события влекут за собой количественные или качественные метаморфозы философского сознания. Тогда в философию вторгаются новые термины, понятия и категории, стилевые установки и проблемы. Эволюция философских терминов и понятий вовсе не обязательно приближает философию к некой заветной абсолютной истине. Просто она становится другой, равно как ощутимо иной смысл со временем приобретают важнейшие онтологические и гносеологические категории.

В § 1.1 «Необходимость изменения дефиниции иронии» эволюция понятия иронии прослеживается в исторической перспективе. Указываются кризисные ситуации, в условиях которых возрастает потребность включить понятие иронии в новый формат.

Теоретическая постановка проблемы иронии берет свое начало в том историческом периоде, когда смеховая культура осмелилась противопоставить себя официальной культуре. На этот культурный исток иронии указывают, например, Бахтин М. М и Липовецки Ж. Выдвинуты и другие гипотезы. Так, Ницше Ф. и вслед за ним Иванов В. объясняют генезис проблемы иронии борьбой в общественном сознании дионисийского и аполлонического начал, а Ортега-и-Гассет Х, Райх В. — конфликтом массового и элитарного сознания.

По мере девиации онтологического и прагматического представлений о природе скрытого иносказания трансформируются также соположенные с ними значения отношений практического и теоретического аспектов исследования иронии.

Диссертант высказывает тезис о том, что существует тесная взаимосвязь между процессами изучения и формирования понятия иронии в различных философских концепциях. Основная задача параграфа заключается в констатации изменения формы понятия иронии по мере реализации и теоретического развития иронического мышления. Тем самым достигается цель методологически обосновать превращение понятия иронии в важную философскую категорию и в ценный инструмент современной философской критики.

В параграфе показано, что при помощи иронии удастся преодолевать узкие рамки рационалистических трактовок события: а) как границы (Хайдеггер М.), б) как смысла (Ж. Делез), в) как компонента мирообъясняющих позиций (Сартр Ж.-П.), г) как провала в настоящем (Бланшо М.). Когда стало общезначимым утверждение, что в онтологическом смысле субъективный опыт целостен, но его рациональное воспроизведение

всегда частично, тогда в отношении «субъект—объект» был теоретически обнаружен особый вид субъекта — *иронический субъект*, для которого авторитет рациональности не является основополагающим. Иронический субъект находится в оппозиции всему сущему. Ироник эпохи постмодерна отказывается от дилеммы абсолютного и относительного и не различает в едином целом сущность и существование (Порус В. Н.).

На примере констатации терминологической вариативности в признанных обозначениях понятия иронии и стилистического многообразия в понимании иронии диссертант делает вывод о многоликой вписанности иронии в различные культурные контексты. Диссертант утверждает, что понятие иронии является настолько многогранным, противоречивым и размытым, что требуется специальное философское обобщение, касающееся толкований его природы и сущности.

В традиционной парадигме ирония предстает как предъявление возможного. Ироническое мышление в контексте события есть потенциал философской возможности. Прием иронии открывает для естественных и искусственных языков новые возможности в условиях, когда основные порождающие модели языка завершили свое становление. Не случайно практики иронического мышления вырастают из споров о выборе языка, на котором можно адекватно выражать те ли иные мировоззренческие устои. В то же время тема языковых изменений в ироническом мышлении тесно связана с темой трансформаций концептуально-смыслового уровня знания. Именно на этом уровне создается почва для изменения языковых норм, преодоления их традиционной закрытости и каноничности.

Диссертант доказывает, что существование практик иронического мышления предполагает творчество в сфере языка и мышления. Такое творчество демонстрируется в диссертации на примерах кодирования смысловых целостностей в элементарных структурах речи. Показано, что для современного мышления характерна стилевая мобильность, присущая философским текстам, которые порождены «кризисом идентификации».

Диссертант приходит к выводу, что иронический потенциал сосредоточивает в себе такие элементы философской мысли, которые позволяют рано или поздно изменять традиционные смыслы. Редки случаи, когда в философской традиции отсутствуют категории, не заряженные ироническим потенциалом.

В § 1. 2 «Проблема соотношения конкретной и всеобщей характеристик иронии» обсуждаются акцидентальные и атрибутивные свойства иронии. Трудно *arguere* решить, насколько велико множество конкретных форм иронии, завершена ли эволюция этого множества и каковы его окончательные инварианты. Автором в гносеологическом ключе исследован вопрос о существовании искусственно создаваемой и поддерживаемой на протяжении многих поколений философской структуре, в которой ирония выполняет роль механизма формирования смыслового поля культуры.

С одной стороны, культура обладает семиотической памятью, то есть аккумулирует уже возникшие знаковые системы. С другой стороны, культура генерирует новые смыслы и забывает некоторые прошлые значимости. Подчас новые смыслы отличаются парадоксальностью и расцениваются как нечто иррациональное. На примере ряда инвариантных характеристик иронии диссертант раскрывает значение иронии как индикатора динамики отношений между человеком и бытием.

Диссертант уделяет особое внимание понятию «ритуальное действие иронии». В параграфе установлено, что сфера ритуального действия иронии служит абстрактной мерой парадоксальности всех мыслимых взаимосвязей, которые возникают при изучении практик иронического мышления. В этом смысле ирония не только порождает актуализированное событие, но также одновременно выступает формой реализации возможных событий. Парадоксальность иронии находит свое выражение в образах констатации

события как границы, в которой внутреннее и внешнее соположены, а бытие испытывает становление (Хайдеггер М.).

Диссертант установил, что практики иронического мышления явно позиционируют себя современному обществу. Поэтому их дефиниция как механизма защиты отдельной целостности от коллективного воздействия достаточно точно отражает сущность иронического мышления. Ирония как метод философствования наиболее активно развивается в кризисные эпохи. Например, возросший в XIX столетии интерес к человеческой индивидуальности и самости вызвал идеологический кризис в массовом сознании. Диссертационное исследование показало, что практики иронического мышления одним из своих результатов имеют возникновение новой парадигмы в осмыслении мира.

Проблема определения природы иронии решается заведомо парадоксально, если «событие» интерпретируют в образах границы (Хайдеггер), совокупности сингулярностей (Делез) или провала настоящего (Бланшо). Вряд ли целесообразно реконструировать традиционную метафизику в контексте классической онтологии. Воссоздание некоторой реальности в понятии, ранее в нем же уничтоженной, получает новое решение, если принять во внимание следующее обстоятельство. Чтобы восстановить разные прошлые понимания иронии, нужно отличить их от завершенной сущности иронии «вообще», от ее бытия в целом. Если, предположительно, такая сущность нам уже известна, то можно логически реконструировать не только прошлые, но и будущие варианты определений конкретных проявлений иронии.

Диссертант развернул в I главе следующие тезисы.

Когда общество отдает предпочтение той или иной — определенной и ясно осмысленной — форме иронии, то с ее распространением, как правило, завершается становление соответствующего стереотипа коллективного мышления, специфической парадигмы массового мироотношения.

На современном этапе эволюции понятия иронии сама его дефиниция номинально приобретает признаки ритуального действия; в неомодернистской философии дефиниция иронии выполняет функцию ритуального приобщения децентрированного субъекта к бытию. По мере того, как понятие субъекта вписывается не только в социальные, но и в концептуальные отношения, оно тоже получает обновленную трактовку.

Ироническое мышление, встроенное в рамки отношений «индивид — общество», становится генератором новых смыслов. Ритуальное действие иронии способно ирреально обратить субъективность в особый «объект» исследования. Философия выработала спектр понятий, оперирование которыми позволяет достигнуть понимания анализируемой ситуации на уровне смысловых отсылок к словарной терминологии различных учений и направлений. В этой связи отмечается фундаментальное значение «генеративной методологии», которая обосновывает новый статус иронического мышления в современной ситуации и особую ценность понятия иронии в системе философских категорий.

В диссертации предложено и обосновано определение иронии как сочетания возвышенного и низменного: *ирония есть воплощение возвышенных компонентов духовной культуры в формах безжалостной негативности и альтернативных смыслов*. Данная дефиниция имеет прикладное значение для различных когнитивных ситуаций. В блоке концептов, описывающих «иронию», объединены такие понятия, как сознание, субъективность, практики иронического мышления.

Общество постиндустриального типа, культивирующее юмор, основано на практиках иронического мышления. Для вступления в современные социальные отношения и участия в них от индивида часто требуется занять позицию ироника. В конечном счете энергия иронии так или иначе направлена на критику существующих социальных устоев, поэтому сущность иронии выявляется через социальные изменения.

Сложился особый жанр повествования о происходящем, в котором широко используются рекомбинации воспоминаний о событиях и ассоциативная игра понятиями. Этот жанр расширяет, в темпоральном аспекте, границы моделирования мира и проектирования практик иронического мышления. Через постоянное расширение хронологических рамок истолкования действительности современная культура становится все более ироничной.

Во второй главе «Проблема конструкции понятия иронии в философии» речь идет о целостности, статике и динамике понятия иронии. Анализ становления понятия иронии показал, что необходимо изучать не только его функционирование на теоретическом и практическом уровнях, но также его конструкцию и организацию в сфере философского познания. Изучение многочисленных трудов по теории и типологии иронии позволило диссертанту выявить специфику становления понятия иронии в философском мышлении.

В § 2. 1 «Статика иронии: от метафизики тотального утверждения к онтологии игры» диссертант исследует характер определения иронии в романтическом и экзистенциальном мировоззрении. Известно, что эти типы мировоззрения оказали наиболее сильное влияние на формирование концепции иронии в современной философии.

Диссертант попытался отыскать некое стабильное онтологическое (ментафизическое) основание иронии, то есть обнаружить всеобщий объективно-реальный аналог этого инструмента мышления. Таким аналогом, вероятно, является постоянный круговорот отношений между возможным и осуществленным *внешним и внутренним*. Понятие иронии отражает устойчивое взаимодействие внутреннего и внешнего, которые имеют место быть. В круговороте возможного и действительного возникает множество

свойств и связей, в том числе таких, которые не поддаются каузальному объяснению.

Поскольку ирония насквозь пронизывает все «тело» философии, постольку онтологические основания иронии, вообще говоря, могут быть описаны взаимосвязью всех предельно общих рефлексивных категорий (движения и покоя, качества и количества, сущности и явления, внутреннего и внешнего и т. д.). Особый интерес представляет взгляд на иронию сквозь призму категорий конечного и бесконечного, материального и идеального, рационального и иррационального. Анализ социальных корней иронии позволяют трактовать ее как специфическое отношение индивида или социума к своим границам, как способность самоопределения и самооткровения людей.

Некоторые философы последних десятилетий (например, Делез) уверены в том, что их ирония способна зафиксировать не только фактическое различие между бытием и временем, но и становление проблематического субъекта, организующего и сохраняющего модус события. Тогда оказывается, что человек не просто воспринимает смыслы, а вписывает *Иное* в проблемное поле своего совокупного опыта.

Появление теории визуального конструирования вероятностных моделей миров способствовало расширению предметной области понятия иронии. Прием иронии универсализуется, потенциально возрастая до «*всеприсутствия во всем*», а теория иронии дополняется идеей, согласно которой ирония активно участвует в формировании целостных картин мира. Подчеркивая игровую условность моделей мира или ситуации, ирония в то же время обнажает абсурдность мира существующего. Вместе с тем подлинная ирония, взятая как интеллигентная критика, обычно не нарушает сложившуюся в обществе (в том числе в сообществе философов) морально-психологическую атмосферу, а скорее выполняет компенсаторную функцию психологических механизмов защиты.

В § 2. 2 «Динамика иронии: форма и пустота отношения»

диссертант пытается обосновать общее положение, согласно которому ирония есть проблематизирование любого соотношения внешнего и внутреннего. О внутреннем и внешнем можно говорить применительно к соотношениям бессознательного и сознательного, внутренней жизни индивида и окружающей среды, теории и практики и т. п.

Ироническое мышление, как и всякое мышление, есть оперирование понятиями, суждениями и умозаключениями. Его особенностью является совмещение двух и более ракурсов некоторой обсуждаемой проблемы, а также понятий разной степени общности, в том числе философских, взятых из различных областей культуры. Благодаря такой логической практике ироник добивается высвечивания проблемы в разных ракурсах и вариантах.

По мнению диссертанта, *целью иронии является субъективное опровержение действительности*. Эта цель считается достигнутой, когда ироник мысленно сопоставляет тезис и антитезис. Отрицание есть способ существования страсти ироника-индивида, закон его субъективной реальности. Признание субъективности, понятой как «радикальное отрицание», в качестве критерия «подлинного бытия» неизбежно ведет к парадоксальным решениям моральных проблем. Парадоксы символически выражают утверждаемую субъективную реальность. В философии метод иронии порождает, например, негативную диалектику (Адорно) или экзистенциальный парадокс веры, свободы и любви (Сартр). Иными словами, парадокс — это не только плод иронии, скажем, в форме отрицательной диалектики, но также символ вечной трагедии сознания, отторгаемого внешней средой в самое себя.

В философии XXI века проблема всеобщего характера иронии обсуждается в связи с проблематикой живой активности личности (персонализм) и деятельного участия индивида в собственном самоопределении. Представив иронию в виде суммы компонентов и объявив ее всеобщей тенденцией человеческой деятельности, Слотердаик П. тем

самым пытался преодолеть теоретическую трудность в различении общего и единичного в отдельной иронии. Однако, эта задача так и осталась им нерешенной.

Хотя иронию можно признать универсальным приемом, тем не менее ее применение в актах речевой коммуникации регулируется некоторыми запретами и ограничениями. Так, естественным ограничителем практики иронического мышления служит общественная мораль. Ирония «вообще» (равно как и ее конкретные формы) имеет свою меру, за пределами которой она утрачивает свое качество и превращается во что-то иное — в издевку, сарказм и т. п. Всегда важно знать, теоретически и практически, меру (стандарт, пределы) собственной иронии. Как правило, ирония уместна, когда коммуниканты соизмеримы друг с другом, равноправны. Вряд ли полезно иронизировать над культурными традициями, над идеалами и убеждениями людей, над их национальными предпочтениями.

В отличие от ряда традиционных философских понятий «ирония» не поддается четкой историко-философской атрибуции. С одной стороны, в прошлых и современных философских учениях можно отыскать самые разные определения «иронии». С другой стороны, в литературе существуют феномены и жанры, внешне схожие с иронией, но качественно отличные от нее; речь идет, например, об ироническом эпосе, иронической литературе, ироническом смысле выражения. Отсюда класс таких смежных понятий, как оксюморон или сарказм — они либо соседствуют с иронией, либо имеют оттенок иронического понимания, но все же не подпадают под общее понятие иронии. В результате отождествления «иронии» со смежными понятиями ей нередко приписывают чужеродные признаки.

Диссертант убежден, что прибегание творцов философских концепций к иронии вполне допустимо и полезно. Вместе с тем тонкая ирония классиков часто доходит до читателя не столько прямо, сколько при помощи экзегезиса, через герменевтическое преломление умом читателя их

сочинений — только тогда в текстах ироников-философов можно обнаружить двойной смысл.

Таким образом, ирония амбивалентна, двусмысленна; ироническая мысль пульсирует в интервале между утверждением и отрицанием, бытием и ничто, между *да* и *нет*. «Ключ» к иронии обычно находится не в самом выражении, а в контексте или интонации, иногда (особенно в прозе) — только в ситуации; именно контекст прежде всего позволяет определить наличие иронии в основном тексте.

Эвристический смысл иронии — порождение новых уровней толкования текста. В философской традиции ирония наделена функцией извлекать из текстов новые виртуальные смыслы и символизировать бытие этих смыслов в форме парадоксов или двойственного понимания вещей. Особый вид иронии — самоирония, критическое осмысление собственного мироотношения. Самоирония нередко побуждает людей философски отнестись к действительности.

В диссертационном исследовании в первую очередь освещены наиболее проблемные пункты темы иронии, по поводу которых постоянно ведутся философские дискуссии. Многие авторы признают, что природа иронии неопределенна и парадоксальна. Пока еще далеки до завершения споры о стратегии иронической практики и о роли иронии в развитии философии. Диссертант проанализировал только те направления дискуссий, которые достаточно четко выявились в истории философии,

В «**Заключении**» резюмируются основные результаты проведенного исследования, приводятся выводы концептуального характера, указывающие на его научную новизну, теоретическую и практическую значимость, формулируются проблемы и перспективы дальнейших исследований.

**Основные положения диссертации отражены в следующих
публикациях автора (статьях и тезисах докладов):**

1. Л. Петрушевская о человеке XX века // Судьба России: исторический опыт XX столетия. Тезисы III Всероссийской конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. II. С. 175 — 176.
2. Вера и идеология, или ирония новаторства // Религия, человек, общество: Тезисы сообщений Международного религиоведческого Конгресса. Ч. 2. Курган, 1998. С. 100 — 101.
3. К проблеме русской литературы как формы философствования: философия быта или быт философии // Литература как способ существования русской философии: Материалы научной конференции, проведенной Обществом ревнителей русской философии в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2001. С. 17 — 18.
4. Комплекс виртуального человека // Глобализация: реальность, противоречия, перспективы. Тезисы докладов V ежегодной научно-практической конференции Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2002. С. 244 — 248.
5. К проблеме объяснительной функции философии // Новые идеи в философии. Эвристические функции научной философии. Межвуз. Сб. науч. трудов / Перм. ун-т. — Пермь, 2002. — Вып. 11. С. 94-96.
6. Ироническая диалектика: от Зольгера до Деррида. Программа спецкурса. 0,9 п. л.
7. Понятие «иронии» как мировоззренческая максима культуры // Мировоззрение как социокультурный феномен: Материалы Всероссийской научной конференции «Мировоззрение и культура». Екатеринбург, 2002 г. С. 137 — 141.
8. Актуальные проблемы личности в XXI в. // Антропологический принцип в философии и проблема развития личности в начале XXI века: Материалы научной конференции. Екатеринбург, 2003. Ч. 2. С. 101 — 102.
9. Парадоксы познания: ироническая стратегия // Загадки жизни и парадоксы познания: сб. статей к Всероссийской конференции. Тюмень, 2003. С. 81 — 84.
10. От ритуала бытия к псевдоритуальности происходящего, или Свобода от настоящего // Коллизии свободы в постиндустриальном обществе: Материалы международной научно-практической конференции, проведенной Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) и Фондом Фридриха Науманна (ФРГ). Екатеринбург, 2003. С. 72 — 75.
11. Этнический фундаментализм: постановка проблемы интерпретации // Народная культура: личность, творчество, досуг (Этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга): Сб. статей и

материалов Всероссийской научной конференции. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2003. С. 98-99.

12. Проблема определения понятия // Носитель идеального образа: Образ философа в рефлексиях учеников. Сб. научн. ст. Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2003. С. 95.

Подписано в печать 2004 г. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Заказ № .

Объем 1,5 усл. печ. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ИПЦ «Изд-во УрГУ»

620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.